

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 34 Пятница, 6 (19) сентября 1902 г. № 34

Старецъ отецъ Серафимъ и Саровская пустынь.

1) Старецъ отецъ Серафимъ. 2) Часовня надъ камнемъ. 3) Камень, на которомъ молился отецъ Серафимъ. 4) Лѣстница отъ родника на гору. 5) Общій видъ Саровской пустыни. 6) Отецъ Серафимъ молится на камнѣ. 7) Св. евангеліе и четки отца Серафима. 8) Внутренній видъ кельи отца Серафима. 9) Главный Успенскій соборъ въ Саровской обители. 10) Крестъ отца Серафима. 11) Надгробный памятникъ надъ его могилой.

(См. № „Биржевыхъ Вѣдомостей“ отъ 2 сентября).

Король Викторъ-Эмануилъ III.

Король Викторъ-Эмануилъ III, недавно посѣтившій Россію, выросъ въ школѣ суровой дисциплины духа и тѣла. Онъ не имѣлъ ни братьевъ, ни сверстниковъ. Его воспитаніемъ руководили мать и полковникъ Осіо, о которомъ намъ приходилось уже говорить. Осіо положилъ въ основаніе воспитательной системы тотъ принципъ, что ему поручено вывести въ люди не принца королевской крови, а простого смертнаго. Отсюда вытекала необходимость примѣнять всѣ тѣ мѣры воздѣйствія и дисциплины, какія выработала военная школа. Луиджи Моранди, профессоръ итальянскаго языка, обучавшій наслѣдника престола, въ изданной не такъ давно книгѣ описываетъ школьную жизнь Виктора-Эмануила и даетъ любопытную характеристику своего бывшаго ученика. По его словамъ, нынѣшній король обнаруживалъ въ дѣтствѣ любознательность, прекрасную память и склонность къ систематическому порядку во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ: онъ каждый вечеръ вписывалъ въ особую книжку то, что видѣлъ за день любопытнаго, а равно всѣ расходы свои. Книги онъ держалъ въ образцовомъ порядкѣ. Уроки начиналъ лѣтомъ и зимой въ восемь часовъ утра, послѣ ванны и чашки бульона или кофе. Два или три раза за весь курсъ ученія случилось, что принцъ заспался на нѣсколько минутъ: Осіо приказывалъ перенести завтракъ на болѣе позднее время, и мальчикъ получалъ одну только... ванну. Научные предметы смѣнялись верховой ѣздой, фехтованіемъ, военной гимнастикой. По четвергамъ и воскресеньямъ и по большимъ праздникамъ принцъ былъ свободенъ отъ лекцій. Въ эти дни онъ завтракалъ съ родителями, тогда какъ въ будни онъ долженъ былъ довольствоваться обществомъ полковника Осіо и капитана Морелли. Если принцъ получалъ приглашеніе, Гумбертъ и его жена неизмѣнно говорили: „надо спросить полковника". И Осіо также неизмѣнно отвѣчалъ „нѣтъ". Но театръ Викторъ-Эмануилъ посѣщалъ часто: это входило въ программу воспитанія. Впрочемъ, не моральная и не художественная сторона театра, а скорѣе его филологическое значеніе имѣлось въ виду, такъ какъ выбирались преимущественно бытовыя пьесы, которыя могли бы ознакомить наслѣдника съ живыми формами итальянскаго языка. Спартанская система принесла желанные плоды: питомецъ полковника Осіо закалился тѣломъ и умомъ, такъ что продолжительная и напряженная работа уже не казалась ему изнурительной. Въ четырнадцать лѣтъ онъ участвовалъ въ маневрахъ подъ Сержавалле, и провелъ семь часовъ въ сѣдлѣ безъ пищи и воды.

Среди двухъ тысячъ учениковъ, которыхъ обучалъ на своемъ вѣку проф. Моранди, принцъ былъ однимъ изъ наиболѣе одаренныхъ природой и Провидѣніемъ. Другой наставникъ наслѣдника, Джіованни Рицціо, характеризуетъ нынѣшняго короля такъ: „охоты къ ученію много, но чувство скуки превозмогаетъ". Отсюда разсѣянность и стараніе отвлечь преподавателя въ спасительную область анекдотовъ. Иногда же принцъ съ особеннымъ удовольствіемъ „изводилъ" наставниковъ, предлагая имъ различные предательскіе вопросы. Эту наклонность Викторъ-Эмануилъ сохранилъ и понынѣ: его министры нерѣдко чувствуютъ себя отвратительно, не зная, что отвѣтить королю.

Сочиненія наслѣдника бывали рѣдко удачны: ему не доставало воображенія и легкости композиціи. Напрасно Моранди пытался защитить ученика отъ рѣзкихъ нападокъ Осіо, доказывая, что эти качества вовсе не нужны будущему монарху; полковникъ стоялъ на своемъ, и однажды закончилъ свою филиппику слѣдующими словами: „Не забудьте, что сынъ короля ничѣмъ не лучше сына сапожника, если онъ оселъ: да—оселъ!" и вышелъ, сердито позвякивая шпорами.

Выращенный въ культѣ правды, гнушающейся лицемѣрія и двуличности, принцъ уже въ молодые годы умѣлъ оцѣнить по справедливости придворные нравы и чувства близкихъ къ королямъ людей. Однажды онъ съ удовольствіемъ разсказывалъ о своей бесѣдѣ съ крестьяниномъ, и его грубые, но искренніе отвѣты ставилъ въ примѣръ придворнымъ господамъ.

Насталъ день окончательнаго испытанія принца въ его научныхъ познаніяхъ. Экзаменъ производился педагогами и министрами въ присутствіи короля. Принцу пришлось тянуть нумера и, отыскавъ соотвѣтственныя части программы, давать полные и точные отвѣты. Онъ вышелъ побѣдителемъ, и выказалъ себя юношей съ очень солидной эрудиціей. Король Гумбертъ, слушая сына, не могъ скрыть своего удивленія. „Въ мое время,— замѣтилъ онъ, наконецъ,—было иначе". „Ну, да, отозвался добродушный монсиньоръ Андино, законоучитель наслѣдника,—вы оба (Гумбертъ и принцъ Амедей), сидѣли въ креслахъ, а учитель—на стулѣ; и учились, когда бывало вздумается". Въ музыкѣ принцъ не проявлялъ таланта; онъ и теперь не сталъ меломаномъ.

По окончаніи курса наукъ, Викторъ-Эмануилъ предпринялъ рядъ путешествій: онъ побывалъ на Мальтѣ, въ Египтѣ, Палестинѣ, Дамаскѣ, Бэйрутѣ, на Кипрѣ и Родосѣ. Въ 1886 г. онъ посѣтилъ прирейнскія земли до Голландіи, и Швейцарію, въ 1890 г.—Грецію, Константинополь, плавалъ по Черному и Каспійскому морямъ, былъ въ Мервѣ, Бухарѣ, Самаркандѣ, Крыму, въ обѣихъ нашихъ столицахъ; въ 1897 г. — путешествовалъ по С.-Африкѣ и Испаніи; нѣсколько разъ заѣзжалъ въ Англію, Шотландію, Данію, Скандинавію и, наконецъ, предпринималъ экскурсіи въ антарктическія страны: его небольшая яхта „Jele" была первымъ итальянскимъ судномъ, достигшимъ 80 град. широты. Съ 1889 г. онъ командовалъ то той, то другой частью римскихъ и неаполитанскихъ войскъ, и пріобрѣлъ прочныя симпатіи войскъ своей справедливой строгостью и рѣдкой доступностью.

Чтобы дополнить характеристику итальянскаго короля, интересно сопоставить отзывы Моранди съ тѣмъ, что пишетъ о немъ неаполитанскій герцогъ д'Андріа въ недавно изданныхъ имъ мемуарахъ.

„Викторъ-Эммануилъ одинъ изъ самыхъ простыхъ людей, какихъ я только встрѣчалъ. Ему чуждо позированіе, онъ врагъ аффектовъ; его рѣчь ясна, и онъ любитъ, чтобы съ нимъ говорили съ такой же ясностью. Бесѣда его дышитъ откровенностью, и въ глазахъ короля не трудно прочитать, нравится ли ему данное лицо или нѣтъ. Преувеличенныя похвалы, изысканныя, льстивыя сравненія, столь обычныя въ придворныхъ кружкахъ, нагоняютъ на него тоску, и онъ долженъ дѣлать не малыя усилія надъ собой, чтобы не оборвать льстеца.

„Обладая обширными знаніями въ извѣстныхъ отрасляхъ науки, Викторъ-Эмануилъ очень рѣдко довѣряетъ себѣ, и тамъ, гдѣ не чувствуетъ безусловно твердой почвы, предпочитаетъ отозваться любимой фразой: „я въ этомъ не знатокъ". Съ большой остроумностью высказываетъ онъ свое мнѣніе о литературныхъ произведеніяхъ, не забывая добавить: „Впрочемъ, это только мое личное мнѣніе". Между тѣмъ, королю несомнѣнно свойственно тонкое критическое чутье.

„Викторъ-Эмануилъ увлекается охотой и превосходно стрѣляетъ; любитъ море, и не уступитъ въ проворствѣ любому матросу; интересуется автомобильнымъ спортомъ, и изучилъ его въ деталяхъ. То, чего онъ не познаетъ въ совершенствѣ, представляется ему terra incognita. Занимая постъ полкового командира, наслѣдникъ Гумберта старался изучить быть солдатъ до ничтожныхъ мелочей: провѣрялъ счетныя книги, ревизовалъ оружейные склады, солдатскій инвентарь, до сапогъ и чулокъ включительно. Строгій къ себѣ, онъ былъ требователенъ и по отношенію къ другимъ.

„Викторъ-Эмануилъ всегда былъ противникомъ тѣхъ чрезвычайныхъ охранительныхъ мѣръ, какими окружала его полиція. Въ Неаполѣ онъ выѣзжалъ на прогулку въ сопровожденіи одного грума. Когда я высказалъ по этому поводу опасеніе, неаполитанскій префектъ сказалъ мнѣ: „Его высочество не желаетъ охраны. Мы должны принимать тысячи предосторожностей, чтобы онъ ея не замѣтилъ". Въ самомъ дѣлѣ, во время одной прогулки съ принцемъ по окрестностямъ Соренто, мы замѣтили прилично одѣтаго господина, который слѣдилъ за нами, подобно тѣни: мы останавливались, онъ также; шли дальше—онъ за нами. Наслѣдникъ престола неожиданно обратился къ нему и спросилъ, кто онъ: „Я агентъ охранной полиціи".—„Поищите другого мѣста для отправленія вашихъ обязанностей, и прошу васъ, оставьте меня въ покоѣ!"

Какъ папа проводитъ лѣто.

Левъ XIII въ текущее лѣто не такъ часто посѣщаетъ ватиканскіе сады, какъ дѣлалъ это нѣкогда прежде. До сихъ поръ онъ былъ тамъ всего два раза. Ранѣе онъ оставался цѣлый день въ своемъ Казино, гдѣ онъ давалъ аудіенціи и часто оставался также обѣдать. Его тоска по садамъ понятна. Расположенные между Монте-Маріо и Яникульскимъ холмомъ, они справа даютъ видъ на покрытую кипарисами гору, которая господствуетъ надъ Римомъ съ сѣвера; слѣва — на чудныя деревья яникульскихъ виллъ Корсини и Доріа Памфили. Если вспомнить, что эта прелестная панорама картинно заканчивается величественнымъ куполомъ св. Петра и что тишина ватиканскаго парка нарушается только плесканьемъ бьющихъ тамъ ключей, то можно понять, почему папа хорошо себя чувствуетъ среди такой красоты. Направо отъ входа, закрытая живой зеленой испанской изгородью, дорога ведетъ къ такъ называемому „Лурдскому гроту" (копія въ девять десятыхъ натуральной величины). Въ концѣ парка поставлено много клѣтокъ, родъ зоологическаго сада, съ фазанами, павлинами, попугаями, газелями, сернами и пеликанами. Почти въ центрѣ парка возвышается башня Льва IV, остатокъ стѣны, которая нѣкогда окружала весь городъ. Къ этой древности Левъ XIII велѣлъ пристроить себѣ виллу, причемъ башня, которая благодаря своимъ толстымъ стѣнамъ особенно прохладна, была обращена въ пріемный залъ. Вблизи Казино, или такъ называемой „palazzina", расположенъ знаменитый виноградникъ, устроенный по повелѣнію папы и за которымъ онъ самъ заботливо наблюдаетъ: кромѣ винограда, никто не смѣетъ туда вступить. Однако, вино не обладаетъ какими-либо особенными качествами. Оно идетъ въ продажу черезъ форшнейдера (scalco) папскаго двора Джузеппе Стербини, сына Джуліо Стербини, который будучи начальникомъ полиціи въ Беневен-

тѣ, поддержалъ молодого легата Іоахима Печчи въ битвѣ съ бандитами. Папа самъ никогда не пьетъ своего вина: онъ пьетъ только старое бордо. Красивыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ напрасно стали бы искать въ ватиканскихъ садахъ; потому что Соръ Чезаре, старый садовникъ - патріархъ, надменный и гордый по причинѣ благоволенія, которое ему оказываетъ святой отецъ, остается глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ мажордома и префектовъ папскаго дворца, когда тѣ начинаютъ убѣждать его побольше заботиться о цвѣтахъ. Онъ ограничивается тѣмъ, что въ знакъ благоговѣнія подаетъ папѣ букетъ, когда тотъ его посѣщаетъ. Левъ XIII каждый разъ охотно принимаетъ этотъ даръ, благодаритъ старика и поощряетъ его къ дальнѣйшей беседѣ, чтобы (по обычаю истыхъ римлянъ, которые всѣ большіе насмѣшники) имѣть удовольствіе, время отъ времени, ироническимъ замѣчаніемъ его озадачить. „Служащій швейцарецъ", который часто болтаетъ про Ватиканъ въ „Giornale d'Italia", говоритъ, что тотъ, кто когда-либо присутствовалъ при встрѣчѣ папы со своимъ садовникомъ, никогда не забудетъ этой курьезной сцены. Если папа хочетъ посѣтить паркъ, онъ садится на носилки, и, перенесенный черезъ комнаты Рафаэля и залу, сходитъ внизъ по ступенямъ лѣстницы въ садъ. Тамъ ожидаетъ его ландо, запряженное парой вороныхъ длиннохвостыхъ венгерскихъ лошадей; подаренныхъ ему однимъ нѣмецкимъ епископомъ. Какъ только папа занялъ мѣсто, противъ него слѣва садится дежурный cameriere segreto; возлѣ правой дверцы экипажа ѣдетъ верхомъ „esente" (лейтенантъ высшаго ранга) папской гвардіи, а другіе два гвардейца ѣдутъ сзади. Прогулка продолжается обыкновенно три четверти часа. Обыкновенно и на одинъ разъ приказываетъ остановиться и, опираясь на палку, проходитъ нѣсколько шаговъ; въ это время онъ подзываетъ къ себѣ „esente" и обоихъ гвардейцевъ и дружески съ ними бесѣдуетъ.

Хотя папа въ этомъ году, какъ было уже сказано, спускался въ садъ всего лишь два раза, но здоровье его все-таки хорошо. Каждый день онъ встаетъ въ 6 часовъ утра. Сначала онъ читаетъ мессу въ своей частной часовнѣ и съѣдаетъ скудный завтракъ; потомъ онъ принимаетъ кардинала Рамполлу, который ему докладываетъ о самыхъ важныхъ текущихъ дѣлахъ. Послѣ этого папѣ подаютъ маленькую тетрадь съ вырѣзками изъ газетъ (по распоряженію Рамполлы составляются ежедневно двѣ тетради; подробныя извѣстія не предназначаются, однако, для папы. Только одна газета „Osservatore Romano" читается папой цѣликомъ; она подается ему каждый день аккуратно въ 7 часовъ вечера). До самаго обѣда папа даетъ аудіенціи, которыя лѣтомъ разумѣется рѣдко бываютъ продолжительны. Послѣ нихъ папа обѣдаетъ, причемъ присутствуетъ, по этикету, одинъ только форшнейдеръ Джузеппе Стербини; его, впрочемъ, папа скорѣе считаетъ за друга. Послѣ обѣда Левъ XIII немного отдыхаетъ. Если онъ затѣмъ не можетъ сойти въ садъ, то онъ приказываетъ своему капеляну монсиньору Анджели прочесть ему что-нибудь изъ классиковъ, чаще всего изъ Виргилія; или онъ гуляетъ по своей библіотекѣ и читаетъ въ это время молитвенникъ. Время отъ времени онъ любитъ остаться одинъ, чтобы заняться отдѣлкой своихъ старыхъ стиховъ или сочинить новые. Но силы очень часто ему измѣняютъ, и онъ засыпаетъ, и его камердинеръ, не слыша продолжительное время въ комнатѣ ни звука, входитъ безъ зова, боясь, не случилось ли чего-либо съ папой. Но боязнь его оказывается неосновательной, папа старъ, но вполнѣ здоровъ. Много говорили въ послѣднее время объ отвѣтѣ, который онъ далъ нѣсколькимъ монахинямъ, которыя пожелали ему 100 лѣтъ жизни: „Сто лѣтъ? Почему вы хотите поставить границы провидѣнію Божьему?" Левъ XIII имѣетъ право шутить на этотъ счетъ: его выбрали въ 1878 г. въ папы въ твердой увѣренности, что онъ недолго проживетъ. А сколько осталось въ живыхъ вмѣстѣ съ нимъ изъ тѣхъ 64 кардиналовъ, которые въ 1878 г. собрались на конклавъ? Только двое: Орелья и Парокки. Кардиналъ Ледоховскій, умершій нѣсколько дней тому назадъ, былъ 13 кардиналомъ, умершимъ при Львѣ XIII съ 1878 года.

Изъ парижской жизни.

Петербургскія хозяйки не устаютъ жаловаться на прислугу, „отравляющую" имъ существованіе. Принято думать, что въ Западной Европѣ бытъ прислуги давно урегулированъ и не составляетъ больше источника хозяйственныхъ треволненій. Посмотримъ, такъ-ли оно на самомъ дѣлѣ.

Не станемъ упоминать о мужской прислугѣ, потому что камердинеръ, кучеръ и швейцаръ, не говоря уже о поварѣ, всегда космополиты; но женщины, нанимающіяся въ Парижѣ для личныхъ услугъ, представляютъ своеобразную, чисто парижскую касту, которая имѣетъ свой внутренній распорядокъ, въ видѣ ранговъ, разрядовъ и т. п. Есть огромная дистанція между камеристкой, вѣдающей единственно туалеты своей госпожи, кухаркой, никогда не унизившейся до чистки овощей, и „прислугой за все" (на мѣстномъ діалектѣ „bonne à tout faire"). Съ другой стороны мы видимъ разряды мамокъ, нянекъ, а еще повыше боннъ, въ нашемъ смыслѣ слова. Но наиболѣе характернымъ типомъ является все-таки дѣвушка „за все", хотя бы уже потому, что она олицетворяетъ собою перерожденіе крестьянки въ горожанку. Въ самомъ дѣлѣ, „bonne à tout faire" никогда не бываетъ уроженкой Парижа: парижанка гнушается такой службой, она предпочитаетъ быть швеей, продавщицей, въ худшемъ случаѣ работать на фабрикѣ, гдѣ скудость платы возмѣщается широкой свободой. Дѣвушка „за все" является изъ провинціи: Бретань и Лотарингія поставляютъ лучшихъ, т. е. самыхъ здоровыхъ, работящихъ и, что еще важнѣе, дѣвушекъ съ болѣе чѣмъ скромными запросами и уживчивымъ нравомъ. Правда, нормандки тоже крѣпки, но неповоротливы, а южанки, особенно изъ Оверни имѣютъ своеобразныя представленія объ опрятности. Когда такая дѣвушка проживетъ въ Парижѣ годика два, она утрачиваетъ особенности своей родины и пріобрѣтаетъ тотъ внѣшній лоскъ, который свойственъ только одному Парижу. Удивительно скоро крестьянка усваиваетъ ловкость, апломбъ и изворотливость, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней пробуждается сознаніе своихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ правъ; она въ совершенствѣ познаетъ всѣ тайны базарной экономіи. Этому превращенію личинки въ бабочку содѣйствуютъ, главнымъ образомъ, парижскій воздухъ и устройство квартиръ: всѣ кухни выходятъ на свѣтовой дворъ, окно въ окно, такъ что весь день пересудамъ и сплетнямъ, практическимъ урокамъ нѣтъ конца. А вечеромъ вся прислуга уходитъ въ чердачное помѣщеніе, гдѣ устроены спальни, т. е. рядъ узенькихъ комнатъ, примыкающихъ одна къ другой; женщины спятъ на одной половинѣ, а мужчины на другой. Тамъ, именно, „au sixième" неограниченное царство прислуги, которая, вообще, очень мало подлежитъ контролю въ ночное время: она всегда можетъ уйти и воротиться, не возбуждая ничьего вниманія. Для этого достаточно сказать сонному портье: „отоприте, пожалуйста", что онъ и исполняетъ, не покидая постели. Портье долженъ знать голоса всѣхъ жильцовъ дома, на самомъ же дѣлѣ такимъ музыкальнымъ ухомъ обладаетъ не онъ, а „madame la concierge": это дѣйствительная хозяйка для прислуги всего дома. Ея расположеніе значитъ очень много; она составляетъ высшую инстанцію въ спорныхъ случаяхъ, кладезь практической мудрости и ходячій архивъ сплетенъ.

Дѣвушка „за все" получаетъ жалованье, высокое сравнительно съ петербургской: меньше чѣмъ на тридцать франковъ не пойдетъ ни одна. Обыкновенное же жалованье колеблется между 40—50 фр., при извѣстномъ кулинарномъ искусствѣ даже 60 франковъ. Повариха получаетъ 75, а иногда свыше ста франковъ. Въ бюджетъ прислуги входитъ и новогодній подарокъ, не менѣе половины мѣсячнаго жалованья, но кромѣ жалованья парижская „bonne" имѣетъ еще „доходецъ" съ закупокъ. По установившемуся издавна обычаю, мясники, зеленщики и пр. платятъ ей 5 проц. наличными. „Су отъ франка" — институтъ болѣе прочный, чѣмъ судъ присяжныхъ или академія наукъ. Это настоящій сервитутъ, и въ тѣ дома, гдѣ хозяйка сама дѣлаетъ закупки, прислуга идетъ очень неохотно.

Конечно, взиманіе процентовъ прислугой отражается обратно пропорціонально на качествѣ и количествѣ продуктовъ. Но не ограничиваясь, такъ сказать „прямыми налогами", парижская „bonne" изыскиваетъ и другіе источники дохода: она спекулируетъ на разницу цѣнъ въ разныхъ частяхъ города. Дѣйствительно, продукты таксируются въ зависимости отъ того, помѣщается-ли лавка въ дѣловой части столицы или нѣтъ, а отдаленность отъ центра не играетъ роли: поэтому и на окраинахъ, и въ центральныхъ кварталахъ можно найти „дешевую" улицу рядомъ съ „дорогой". И если дѣвушка успѣла ознакомиться съ этой тайной Парижа, то она, конечно, сумѣетъ ею воспользоваться, тѣмъ болѣе что разстояніемъ она не стѣсняется.

Неудивительно, что самая честная прислуга успѣваетъ въ нѣсколько лѣтъ накопить себѣ желанную кругленькую сумму: это, впрочемъ, мечта чуть-ли не каждаго француза. Въ пять лѣтъ, напримѣръ, иныя дѣвушки прикапливаютъ до шести тысячъ франковъ (около 2,500 руб.), а въ десять лѣтъ службы на одномъ мѣстѣ и вдвое больше. Почувствовавъ почву подъ ногами, онѣ заявляютъ очень откровенно хозяевамъ о томъ, что хотятъ на свой капиталъ заняться тѣмъ или другимъ предпріятіемъ. Хозяевамъ остается только позавидовать прислугѣ. „Чаи" же въ Парижѣ не приняты; развѣ только по случаю семейныхъ празднествъ; но тогда они значительнѣе, чѣмъ у насъ.

Объ отказѣ отъ должности прислуга должна узнать или заявить за восемь дней, независимо отъ срока службы. Хотя и установлены извѣстныя формальности полицейскаго характера, но онѣ не соблюдаются на практикѣ. Рекомендаціи выдаются рѣдко, такъ какъ уходъ „bonne" обыкновенно не бываетъ лишенъ нѣкоторой воинственной обстановки. Принимая прислугу, господа довольствуются справками, которыя имъ поставляетъ бюро. Бюро — это сила и большое зло; это высшая академія, гдѣ довершается образованіе провинціалки, начатое консьержами, сосѣдками по спальнѣ и лавочниками. Это центральная станція новѣйшихъ сплетенъ; въ ней ведется скандальная хроника всего участка съ полной добросовѣстностью. Два года назадъ въ палатѣ депутатовъ

постановлено было закрыть всѣ частныя конторы, и замѣнить ихъ городскими. Но сенатъ замедлилъ со своей санкціею, и бюро для найма прислуги пока процвѣтаютъ, а открытыя муниципалитетомъ—прозябаютъ, потому что кліентура боится ихъ, какъ полицейскаго учрежденія.

Прошло три года—неуклюжая бретонка или норманка превратилась въ кокетливую „камеристку": она по воскресеньямъ носитъ шляпу въ 25 франковъ, умѣетъ „срѣзать" барыню и хорошо знаетъ, что та, пуще ея, боится „восьми дней". Что скажетъ на это петербургская хозяйка?

Парижъ,
въ августѣ 1902 г.

К.

Женщины въ жизни Наполеона III.

Оба Наполеона—великій и малый—обязаны своимъ паденіемъ отчасти женщинамъ; такъ, по крайней мѣрѣ, многіе думаютъ. Но одинаковыя послѣдствія были, во всякомъ случаѣ, вызваны разными причинами: насколько Наполеонъ I славился своей грубостью и цинизмомъ въ отношеніи къ женщинамъ, настолько же его племянникъ былъ мягокъ и снисходителенъ къ нимъ. Вся жизнь его прошла подъ вліяніемъ той или иной очаровательницы, либо нѣсколькихъ разомъ.

Историки, слишкомъ живо помнившіе вторую Имперію, были пристрастны къ неудачнику-монарху, и не жалѣли черныхъ красокъ. Однако, еще Бисмаркъ замѣтилъ, что умъ Наполеона оцѣниваютъ слишкомъ высоко за счетъ сердца. Тѣ, кто знавали его лично—Флери, Канроберъ, Галлифэ и др.—не могутъ похвалиться добросердечіемъ этого императора. Женщины Второй Имперіи могли бы съ наибольшимъ основаніемъ подтвердить такой отзывъ. Справедливо было бы сказать, что царство, выдвинутое умомъ Наполеона, разрушено его сердечными примѣрами. Снисходительное добродушіе, не чуждое чувственности, онъ унаслѣдовалъ отъ матери, Гортензіи Богарнэ. Она была повѣренной въ его маленькихъ романахъ и называла его „милымъ упрямцемъ". Отчасти потому, что Наполеонъ съ непоколебимымъ фатализмомъ стремился занять тронъ дяди, тогда, когда между нимъ и завѣтной цѣлью стояло нѣсколько родичей съ гораздо большими правами и шансами на успѣхъ. Смерть Гортензіи повела къ печальнымъ для Наполеона открытіямъ: онъ узналъ о существованіи незаконнаго брата де-Морни, прижитаго покойной въ связи съ графомъ Флаго. Изъ юношескихъ кумировъ самый главный былъ затоптанъ въ грязь!

Будущій президентъ и императоръ съ раннихъ лѣтъ проявлялъ склонность къ спорту, во всѣхъ его видахъ: лихой наѣздникъ, конькобѣжецъ и гимнастъ, онъ безъ труда нашелъ доступъ въ высшее англійское общество именно благодаря этимъ талантамъ. Ему посчастливилось попасть въ тотъ тѣсный аристократическій кружокъ, въ которомъ неограниченно царилъ законодатель моды и спорта графъ Гриммо д'Орсэй. Тамъ онъ познакомился

Министръ юстиціи
Н. В. Муравьевъ,
почетный предсѣдатель конгресса криминалистовъ въ С.-Петербургѣ.

Проф. И. Я. Фойницкій,
предсѣдатель конгресса.

Проф. Францъ фонъ-Листъ,
предсѣдатель центральнаго комитета.

Проф. Г. А. фонъ-Гамель,
предсѣдатель секціи.

Проф. Адольфъ Принсъ,
предсѣдатель секціи.

Секретаріатъ конгресса:

Д. А. Дриль,
юрисконсультъ министерства юстиціи.

В. Ф. Фельдтъ,
секретарь 1-го департамента министерства юстиціи.

Н. И. Езерскій,
бывшій мировой судья.

А. В. Волковицкій,
юрисконсультъ министерства юстиціи.

Къ международному конгрессу криминалистовъ въ С.-Петербургѣ.

Съ фотографій, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Къ пріѣзду персидскаго шаха въ Россію. — Шахъ въ своемъ кабинетѣ.

Капитанъ 2-го ранга
В. Х. Іенишъ 2-ой,
командиръ броненосца „Русалка", погибшій вмѣстѣ съ броненосцемъ 7-го сентября 1893 года.
Къ открытію памятника „Русалкѣ" въ Ревелѣ.

съ женщиной, сыгравшей значительную роль въ его жизни. То была яркая звѣзда полусвѣта, миссъ Говардъ; она смотрѣла королевой и жила въ королевской роскоши. Не сохранилось ея портрета, но современники описываютъ ее замѣчательной красавицей. Когда революція 1848 г. позволила Наполеону вернуться на родину, Говардъ послѣдовала за нимъ и привѣтствовала его избраніе въ президенты. Мало-по-малу въ этой женщинѣ росло тщеславіе и честолюбіе: если не законной женой, то хоть признанной „фавориткой" хотѣла она быть. Между нею и друзьями президента возгорѣлась война. Миссъ Говардъ открыто компрометировала Наполеона, то слѣдуя неотступно за нимъ въ экипажѣ цугомъ на смотру, то являясь безъ приглашенія на балы въ Тюльери; словомъ, она давала недругамъ президента обильную пищу для злыхъ толковъ и нападокъ. Наградивъ во лю лекную по-царски деньгами и графскимъ титуломъ, Наполеонъ разстался съ нею. Друзья стали торопить его женитьбой на принцессѣ равнаго съ нимъ происхожденія, намѣтили племянницу королевы Викторіи; но президентъ медлилъ и неохотно занимался матримоніальными планами. Онъ не былъ тѣмъ холоднымъ человѣкомъ разсудка, какимъ его хотятъ представить иные; напротивъ, въ важнѣйшемъ вопросѣ—брачномъ—доводы ума померкли предъ голосомъ сердца, и вмѣсто принцессы Наполеонъ избралъ въ жены Евгенію Монтихо.

Теперь еще трудно опредѣлить, каково было вліяніе императрицы на ходъ политическихъ событій во Франціи; но несомнѣнно только одно, что она получила

Его Высокопревосходительству
Сергѣю Юльевичу
ВИТТЕ
отъ
С. Петербургскаго
Биржевого общества
30 Августа 1902 г.

Бюваръ, поднесенный С.-Петербургскимъ биржевымъ обществомъ статсъ-секретарю С. Ю. Витте, въ день десятилѣтія со дня назначенія его министромъ финансовъ.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

доступъ къ государственнымъ дѣламъ лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружеской жизни, когда розы Гименея успѣли завять и легкомысленность мужа для нея перестала быть тайной.

Впрочемъ, этому открытію предшествовалъ рядъ дней безоблачнаго счастья. Но чѣмъ старѣе становился императоръ, чѣмъ больше расшатывался его организмъ—тѣмъ ощутительнѣе дѣлалась въ немъ потребность въ легкихъ развлеченіяхъ. Сохранить инкогнито въ амурныхъ похожденіяхъ было довольно трудно, и въ скандальной хроникѣ Парижа имя Наполеона упоминалось слишкомъ часто. Разсказывали, напримѣръ, что извѣстіе о сраженіи подъ Садовой онъ получилъ въ квартирѣ одной изъ своихъ фавориток Марго Белланжэ. Романъ съ графиней Кастильоне, который возбудилъ въ императрицѣ необузданную ревность, окончился открытымъ скандаломъ. Боязнь семейныхъ сценъ побуждала Наполеона къ непростительной небрежности и въ политическихъ дѣлахъ. На этой именно почвѣ можно смѣло искать связь между ходомъ политическихъ событій 1860—70 гг. и ролью женщины въ жизни второго императора. Однако, эта область архивовъ еще мало разработана историками, и ждетъ своего Тьера.

Переутомленіе американскихъ президентовъ.

Жизнь президентовъ Соединенныхъ Штатовъ С.-Америки далеко не такъ отрадна, какъ можно было бы думать. Какъ ни огроменъ оборотъ государственныхъ дѣлъ въ Штатахъ, президентъ несетъ на себѣ отвѣтственность за все, не исключая и самыхъ мелкихъ хозяйственныхъ вопросовъ: онъ долженъ, напримѣръ, нанимать слугъ для Бѣлаго Дома, и одновременно съ этимъ назначать достойныхъ людей на высшіе административные посты. Но Домъ всегда открытъ для каждаго американскаго гражданина, а отъ назойливыхъ посѣтителей отбою нѣтъ. Не ограничиваясь пріемной, иной любопытный проникаетъ и въ дѣловой кабинетъ президента, потрясетъ ему руку и отниметъ нѣсколько минутъ дѣлового времени.

Четыре раза въ недѣлю, отъ 10 до 2 час., президентъ принимаетъ всѣхъ желающихъ его видѣть. Единственное условіе доступа—рекомендація сенатора или другого благонадежнаго лица. Такой порядокъ утомителенъ даже для молодого и крѣпкаго Рузвельта. Впрочемъ, и остальные дни недѣли мало чѣмъ отличаются отъ этихъ дней. Рано вставая, министръ Рузвельтъ уже за первымъ завтракомъ имѣетъ гостя изъ политическаго міра. Въ девять часовъ онъ отправляется въ свою канцелярію, гдѣ его ждетъ обширная корреспонденція: мимикой, скорѣе чѣмъ словами, онъ дѣлаетъ секретарямъ нужныя для отвѣтовъ указанія. Въ половинѣ десятаго является первый сенаторъ съ докладомъ, черезъ ½ часа второй, а въ десять—ихъ толпа цѣлая. Вычислено, что президентъ принимаетъ въ день не менѣе 53 относительно важныхъ дѣятелей, т. е. сенаторовъ, членовъ конгресса и т. п. Время отъ времени Рузвельтъ переходитъ въ пріемную, пожимаетъ дюжину—другую рукъ и обмѣнивается съ посѣтителями нѣсколькими словами: говоритъ онъ коротко, часто рѣзко и очень громко, такъ что на многихъ наводитъ страхъ; тѣмъ не менѣе, наплывъ посѣтителей не прекращается до 2 часовъ.

Въ два часа ленчъ (второй завтракъ). Къ нему приглашается нѣсколько человѣкъ, и дѣловой разговоръ не умолкаетъ. Въ три—президентъ выѣзжаетъ на прогулку: выѣзжаетъ, потому что пѣшкомъ идти, значитъ отдать себя въ жертву согражданамъ, изъ которыхъ самый скромный не упуститъ случая пожать руку „неутомимѣйшему“ изъ президентовъ. По возвращеніи м-ръ Рузвельтъ занимается корреспонденціей и выслушиваетъ донесенія. Потомъ—обѣдъ: за столомъ обязательно присутствуютъ публицисты, сенаторы и общественные дѣятели: разговоръ вертится на политическихъ темахъ. А къ концу сессіи конгресса, вечеръ уходитъ на подписываніе законовъ или критическихъ возраженій на нихъ.

„Безъ ножа и револьвера,—пишетъ Линкольмъ Стеффель въ одномъ американскомъ журналѣ,—своеобразные анархисты подвергаютъ своихъ президентовъ медленной смерти“. Что это именно такъ, подтверждается исторіей Соединенныхъ Штатовъ. Линкольнъ въ послѣдній годъ жизни страдалъ ярко выраженнымъ переутомленіемъ. Гейсъ покинулъ Бѣлый Домъ совсѣмъ больной; Гарфильдъ за четыре мѣсяца своего президентства потерялъ не мало силъ; онъ не выжилъ потомъ и года. Клевелендъ, повидимому, составлялъ исключеніе: но онъ четыре года отдыхалъ между первымъ и вторымъ президентствомъ. Онъ отличался удивительной крѣпостью организма; но неоднократно выражалъ протестъ по поводу непосильнаго обремененія главы государства второстепенными и вовсе ничтожными дѣлами. Не одинъ президентъ, самый ходъ государственныхъ дѣлъ терпитъ ущербъ отъ того, что треть рабочаго дня президента уходитъ на мелочи. Достаточно сказать, что ежедневная почта его содержитъ обыкновенно 1,200 писемъ, а разсылкой приглашеній къ его обѣдамъ, завтракамъ и пр. занято пять человѣкъ. М-ра Рузвельта нельзя заподозрить въ аристократизмѣ, и такъ какъ онъ человѣкъ энергичный, то ему, быть можетъ, и удалось бы склонить американцевъ къ забвенію вредныхъ и пустыхъ традицій.

Король-писатель.

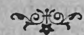
Оскаръ II, шведскій король, намѣренъ въ скоромъ времени издать свои мемуары; не такъ давно его стихотворенія переведены на французскій языкъ. Изъ современныхъ монарховъ-писателей, за исключеніемъ развѣ только Карменъ-Сильвы, король Оскаръ самый разносторонній и плодовитый: онъ и поэтъ, и историкъ, и критикъ, и изслѣдователь. Нѣсколько времени тому назадъ, московское общество естествоиспытателей избрало его въ почетные члены; еще раньше онъ получилъ почетное сотрудничество въ другихъ ученыхъ обществахъ и степень доктора гражданскаго права въ оксфордскомъ университетѣ. Конечно, король имѣетъ всѣ европейскіе ордена; любимый изъ нихъ - медаль французскаго человѣколюбиваго общества; ее онъ получилъ тридцать шесть лѣтъ назадъ, еще кронпринцемъ: гуляя по набережной между Марселью и Специей онъ встрѣтилъ экипажъ, который понесли испуганныя чѣмъ-то лошади; молодой принцъ ухватился за узду, и несмотря на явную опасность для жизни, успѣлъ остановить лошадей; за этотъ подвигъ ему и досталась медаль.—При всякомъ удобномъ случаѣ Оскаръ II проявляетъ свои симпатіи къ наукамъ и искусствамъ. Въ 1897 году онъ особенно ярко обнаружилъ ихъ по поводу международнаго конгресса журналистовъ въ Стокгольмѣ. Его популярность въ странѣ такъ велика, что, по справедливому замѣчанію одного шведскаго литератора, „шведы выбрали бы въ президенты одного только короля, если бы вздумали объявить у себя республику“. Изъ поэтовъ сѣвера Оскаръ II, быть можетъ, наиболѣе идиллическій. Онъ воспѣлъ красоты родного края въ звучныхъ и красивыхъ строфахъ. Одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній посвящено имъ Гуно, которымъ шведскій король всегда восторгался.—Полный интереса къ вопросамъ народнаго воспитанія, Оскаръ очень часто посѣщаетъ школы Стокгольма, всегда неожиданно. Недавно въ одномъ женскомъ училищѣ, онъ спросилъ: „Кто былъ величайшій король въ Швеціи?“—„Густавъ-Адольфъ“,—отвѣтила ученица. „Карлъ XII“,—сказала другая, а третья робко пробормотала: „Оскаръ II“. Это разсмѣшило короля.—„А назови-ка мнѣ хоть одно великое событіе изъ моего царствованія“.—Дѣвочка покраснѣла, запнулась и, наконецъ, вся въ слезахъ, шепнула: „Не знаю“.—Оскаръ II погладилъ дѣвочку по головѣ и ласково сказалъ ей: „Не плачь, дѣточка, я самъ тоже не знаю“.

Древнѣйшій изъ врачей.

Археологическія раскопки въ Египтѣ и изученіе надписей гробницъ указали, между прочимъ, на то, что еще въ глубокой древности благоденствовало въ долинѣ Нила сословіе врачей. Древнѣйшимъ изъ нихъ надо считать Сокитніонки, жившаго за пять съ половиною тысячъ лѣтъ до нашего времени. Его гробница была открыта восемь лѣтъ тому назадъ, но надписи истолкованы невѣрно. Въ послѣднемъ засѣданіи британскаго медицинскаго общества былъ заслушанъ докладъ д-ра Сендвизо, изъ Каира; въ виду замѣтнаго разнорѣчія между египтологами, докладчикъ спеціально изучилъ іероглифы, составляющіе надпись на упомянутой гробницѣ, и пришелъ къ очень интереснымъ результатамъ: онъ представилъ обществу портретъ рѣдкостнаго „коллеги“. Самая гробница, отъ которой сохранились, конечно, лишь скудныя развалины, находилась на кладбищѣ Саккарѣ, примыкавшемъ къ богатому, могущественному нѣкогда городу Мемфису. За четыре тысячелѣтія до нашей эры этотъ городъ находился въ полномъ разсвѣтѣ: лежалъ онъ въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ нынѣшняго Каира. Но и по сію пору имя Сокинтніонки не утратилось въ народной памяти: оно пріобрѣло нарицательное значеніе и соотвѣтствуетъ понятію о человѣкѣ, „которымъ овладѣла жизнь“. Древніе египтяне представляли себѣ жизнь и смерть въ видѣ особыхъ существъ, которыхъ въ извѣстныхъ случаяхъ можно было и проглотить. Въ каждомъ больномъ жилъ духъ покойника. Слѣдовательно, для излѣченія являлась необходимость изгнать этого духа. Кто же могъ успѣшнѣе справиться съ такой задачей, какъ не жрецы? Потому-то въ ту эпоху, въ качествѣ врачей, практиковали жрецы, хотя не было, вѣроятно, недостатка и въ практикантахъ-медикахъ, въ родѣ нашихъ фельдшеровъ. Сокитніонки принадлежалъ къ классу настоящихъ врачей, т. е. жрецовъ, всѣ другіе титулы, слѣдующіе въ надписи за его именемъ, обозначаютъ лишь принадлежность къ высшему придворному званію. Какъ врачъ, онъ назывался „сену“,—это означаетъ мудрость или опытность. Надгробные столбы покрыты весьма странными надписями; напримѣръ, на одномъ изъ нихъ начертано: „Его величество (фараонъ Сагура, изъ пятой династіи), сказалъ своему придворному врачу Сокитніонки: „Да будетъ твой носъ силенъ, такъ какъ шаги твои къ западу угодны богамъ, и да продлится вѣкъ твой, примѣрнаго слуги“. Первыя слова—традиціонное привѣтствіе или вступленіе той эпохи и аналогичны съ формами вѣжливости, принятыми у жителей юж

ныхъ береговъ Средиземнаго моря: тамъ желаютъ прохладнаго сѣвернаго вѣтра или хорошаго воздуха для дыханія и т. п. Другая надпись передаетъ собственную рѣчь врача: „Я обожаю великаго царя и молюсь всѣмъ богамъ за Сагуру, потому что онъ цѣнитъ меня, и то, что есть у меня. Всякое желаніе царя стало для меня откровеніемъ, такъ какъ богъ (Аказбисъ) даровалъ ему способность удивительнаго врачеванія за то, что онъ воздавалъ ему большія почести, нежели другимъ богамъ. О вы, любящіе вашего Ра, молитесь всѣмъ богамъ за Сагуру, осыпавшаго меня благодѣяніями; я поистинѣ его слуга". И ни одному человѣку я не дѣлаю зла". На другомъ столбѣ врачъ перечисляетъ, что сдѣлано для него фараономъ (въ дѣйствительности, это происходило наоборотъ); оказывается, фараонъ приказалъ соорудить гробницу, и самъ наблюдалъ за постройкой; особенно важно то обстоятельство, что по его же повелѣнію, были сдѣланы надписи іероглифами, вырѣзанными по ляпись-лазули. По вычисленіямъ египтологовъ, фараонъ Сагура царствовалъ отъ 3,693 до 3,680 г.г. до Р. Хр. и, вѣроятно, погребенъ подъ пирамидой у Абузира, на югѣ отъ великихъ пирамидъ Хицезъ. Древнѣйшій египетскій врачъ изображенъ стоя, со скипетромъ въ одной рукѣ и волшебной палочкой въ другой; рядомъ съ нимъ—жена. Но имя мужа тщательно выведено надъ головой его, а имя жены старательно затерто; пожалуй, можно думать, что праотецъ медицины былъ счастливѣе при дворѣ, чѣмъ въ семейной жизни.

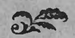
И МЕТАЛЛЫ УМИРАЮТЪ.

Металлы, въ родѣ желѣза или серебра, кажутся намъ символомъ крѣпости и неразрушимости, а между тѣмъ и они, какъ и все остальное на землѣ, имѣютъ бытіе и кончину. Каждый металлъ, добытый изъ руды, сейчасъ же начинаетъ подвергаться воздѣйствію многоразличныхъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ его вѣсъ постепенно уменьшается. Продолжительность жизни металла можетъ быть больше или меньше; но въ концѣ концовъ металлъ все-таки долженъ возвратиться въ землю, изъ коей взятъ. Разумѣется, вещество, изъ котораго сдѣланъ металлъ, не можетъ пропасть, потому что матерія вѣчна, но металлъ, какъ таковой, умираетъ. Чаще всего онъ принимаетъ опять тотъ видъ, въ которомъ былъ найденъ первоначально въ рудѣ. Желѣзо и олово, которыя получились изъ своихъ окисей (соединеніе съ кислородомъ), претерпѣваютъ разрушеніе, снова соединяясь съ кислородомъ и затѣмъ въ концѣ процесса опять превращаются въ окиси. Главнѣйшія мѣдныя руды суть соединенія этого металла съ кислородомъ и сѣрою, и для мѣди смерть наступаетъ, въ большинствѣ случаевъ, вслѣдствіе новаго соединенія съ кислородомъ или сѣрою. Серебро, находящееся въ природѣ въ видѣ простыхъ или сложныхъ соединеній съ сѣрою, по очисткѣ его человѣкомъ отъ этихъ примѣсей, снова весьма легко соединяется съ сѣрою. Свинецъ встрѣчается чаще всего въ видѣ свинцоваго блеска или бѣлой свинцовой руды, изъ коихъ первый представляетъ соединеніе съ сѣрою, а вторая соединеніе съ углекислотой; и въ этомъ случаѣ металлъ исчезаетъ, если соединяется опять съ сѣрою или углекислотой. Золото и платина, которыя встрѣчаются въ природѣ большею частью въ чистомъ видѣ, вообще мало подвержены измѣненіямъ и могутъ износиться только механическимъ путемъ, напримѣръ, вслѣдствіе усиленнаго тренія, чего также достаточно, чтобы мало-по-малу данная металлическая вещь совершенно видимо исчезла. Приведя этотъ примѣръ, вспомнимъ, какъ постепенно обтираются золотые монеты, въ то время какъ серебряныя монеты только чернѣютъ. Одну и ту же участь имѣютъ всѣ металлы, не исключая самыхъ тяжелыхъ и твердыхъ. Они исподволь исчезаютъ, и ихъ остатки отпадаютъ въ видѣ пыли и смѣшиваются съ другими частями земли. Въ соединеніи съ нѣкоторыми элементами земли, они претерпѣваютъ новыя видоизмѣненія, попадаютъ въ потоки воды, которые безпрестанно обращаются въ земной корѣ и, наконецъ, остаются въ какой-нибудь впадинѣ, чтобы снова образовать залежь, разработка которой выпадетъ на долю промышленности уже нашихъ правнуковъ. Камень, который нѣкогда былъ низведенъ съ трона металломъ,—за каменнымъ вѣкомъ послѣдовалъ бронзовый вѣкъ—имѣетъ удовлетвореніе въ томъ, что одержалъ побѣду надъ побѣдителемъ. Пирамиды Мемфиса, развалины Перфенона и прочіе великолѣпные памятники древности, не говоря уже объ античныхъ статуяхъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что только камень могъ устоять противъ тысячелѣтій и сдѣлаться свидѣтелемъ развитія человѣческой культуры, тогда какъ желѣзо и другіе металлы успѣли разсыпаться въ прахъ.

КЪ ИСТОРІИ „МНИМАГО БОЛЬНОГО".

Еще въ періодъ черновой работы, Мольеръ придумывалъ имя для одного изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи „Мнимый больной". Это ему плохо удавалось. Случайно онъ встрѣтилъ аптекарскаго ученика, несшаго очень извѣстный въ домашнемъ обиходѣ снарядъ. „Какъ васъ зовутъ?"—„Флеранъ". Мольеръ съ такимъ жаромъ сталъ обнимать мальчика, что чуть не разбилъ его снаряда. Отсюда-то „клистирныхъ дѣлъ мастеръ" въ комедіи получилъ имя Флеранъ, а аптекарскій ученикъ сталъ предметомъ общаго вниманія въ городѣ, сумѣлъ этимъ ловко воспользоваться и нажилъ капиталецъ.—До постановки „Мнимаго больного" во Французской Комедіи мушкатеры, лейбъ-гвардейцы, жандармы имѣли свободный доступъ въ театръ, и всегда переполняли партеръ. Мольеръ добился королевскаго указа, которымъ запрещалось даже придворнымъ пользоваться безплатными мѣстами на представленіяхъ комедіи Мольера. Сыны Марса, однако, не захотѣли примириться съ такимъ суровымъ правиломъ, сочли его оскорбленіемъ офицерской чести, и самые дерзкіе изъ недовольныхъ рѣшили возстановить свои права силой. Театральный служитель, воспротивившійся было вторженію толпы, получилъ множество ударовъ ножемъ, и палъ мертвый у дверей зала. Потомъ мстители отправились за кулисы, но тутъ ихъ встрѣтилъ актеръ Бэжаръ; онъ уже былъ загримированъ по роли старцемъ; увидѣвъ военныхъ, онъ возопилъ: „Пощадите старца 75 лѣтъ; ему недолго остается жить". На выручку явился и Мольеръ, напоминая буянамъ о приказѣ короля и грозя имъ карой. Опомнившись, мстители поспѣшили удалиться. Король, узнавъ о такомъ происшествіи, хотѣлъ примѣрно наказать виновныхъ, но Мольеръ подалъ ему остроумно написанное прошеніе о ихъ помилованіи; и инцидентъ окончился сравнительно благополучно. Жестокіе были въ то время нравы!

„Мнимый больной" Мольера былъ впервые поставленъ на сценѣ въ 1673 году. Во время третьяго представленія этой пьесы авторъ чувствовалъ себя очень плохо, но все же игралъ. „Что будутъ дѣлать эти славные ребята?—говорилъ онъ,—я не простилъ бы себѣ, если бы отнялъ у нихъ хоть одинъ вечеровой сборъ". Но когда въ третьемъ актѣ онъ произнесъ свое „juro", то жестокія судороги превозмогли сильную волю актеръ-писателя: его замертво снесли домой, и 16 февраля 1673 года онъ скончался.

АППАРАТЫ ДЛЯ СНА.

Съ давнихъ поръ ученые заняты изысканіемъ различныхъ способовъ къ поддержанію въ человѣческомъ организмѣ нормальнаго сна. Большинство изобрѣтенныхъ съ этой цѣлью аппаратовъ сводится къ воздѣйствію на органъ зрѣнія. Такъ, среди послѣднихъ новинокъ можно назвать приборъ парижскаго врача Гейфе, который названъ имъ: „вибрирующая корона". Аппаратъ состоитъ изъ трехъ металлическихъ полосъ, обвивающихъ голову. Отъ нихъ идутъ—двѣ короткія полоски вплоть до вѣкъ, гдѣ онѣ, при посредствѣ пера, выполняютъ легкую вибрацію. „Корона" часто примѣняется и знаменитымъ Бертильономъ къ паціентамъ, страдающимъ хронической безсонницей.

Другой французскій врачъ Матье составилъ свой приборъ изъ массивнаго ящика, 5 д. высоты, 4 д. длины, 3½ д. ширины, и никелированной трубки, соприкасающейся съ двумя горизонтальными дощечками слоновой кости; каждая изъ нихъ снабжена рядомъ круглыхъ зеркалецъ, величиной въ серебряную монету. Вращеніе совершается въ одну секунду. Въ затемненной комнатѣ направляютъ свѣтъ лампы на зеркала. Паціентъ наблюдаетъ рефлексы и вибраціи свѣта на дощечкахъ, и монотонная игра свѣта постепенно нагоняетъ сонъ на его глаза.

Въ Парижѣ съ успѣхомъ примѣняется еще и приборъ одного механика, Бердина, нѣсколько схожій съ „вибрирующей короной". Стальная пластинка, 4 д. длины и 1 д. ширины, прикрѣпляется двумя ремешками ко лбу паціента; отъ центра пластинки проведена трубочка съ проволокой на концѣ, а къ проволокѣ прикрѣпленъ блестящій серебряный шарикъ, величиной съ бобъ. Соотвѣтственный шарикъ приводитъ проволоку въ разнообразное движеніе вокругъ глаза, и результатъ тотъ же, что и при употребленіи зеркалъ Матье.

КЪ ИСТОРІИ ФОТОГРАФІИ.

Докторъ философіи Конрадъ Лааръ изъ Гамбурга, назначенный приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ химіи въ Боннѣ, произнесъ въ залѣ тамошняго университета вступительную лекцію подъ заглавіемъ: „Историческое развитіе фотографіи". Докторъ Лааръ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Прошло какъ разъ сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Томасъ Ведевудъ и Гумфри Дэви предприняли первые опыты со свѣтописью. Эти опыты совпали по времени съ открытіемъ столь драгоцѣнныхъ для фотохиміи ультрафіолетовыхъ лучей, сдѣланнымъ въ Германіи Риттеромъ и въ Англіи Волластономъ. Но опыты начала XIX столѣтія не были первыми шагами въ области фотографіи, а только естественнымъ продолженіемъ того, что было открыто въ первой четверти XVIII вѣка. Такъ, въ 172.. г. Шульце, профессоръ университета въ Альтдорфѣ, уже производилъ наблюденія надъ вліяніемъ свѣта на серебряныя соединенія. Въ 1777 году Шеле открылъ, что хлористое серебро гораздо скорѣе окрашивается въ темный цвѣтъ въ части спектра съ сильнѣйшимъ преломленіемъ, чѣмъ въ той его части, гдѣ преломленіе меньше. Лѣтъ десять спустя послѣ вышеупомянутыхъ опытовъ Ведевуда и Дэви, Никифоръ Ніепсъ въ Шалонѣ произвелъ новыя изысканія въ области фотографіи; онъ изобрѣлъ способъ копированія при помощи асфальта, и обращалъ

Маркизъ Монтебелло,
бывшій французскій посолъ въ С.-Петербургѣ.
Съ фотографіи, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

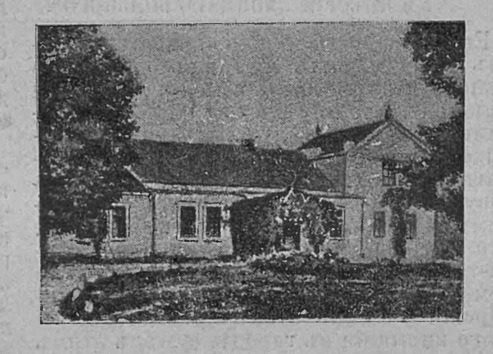
полученные на металлѣ асфальтовые рисунки въ пластинки съ глубокими оттисками, при помощи коихъ онъ изготовлялъ, такъ называемыя, геліографіи. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Парижѣ художникъ Дагерръ, который былъ знакомъ съ Ніепсомъ и его открытіями, нашелъ секретъ проявленія скрытаго на іодисто-серебряной пластинкѣ изображенія, при помощи ртути. Тогда-то при содѣйствіи его камеры было положено основаніе настоящей фотографіи. Въ 1840 г. Фоксъ Тальботъ примѣнилъ открытіе Дагерра къ изобрѣтенной имъ позитивно-негативной методѣ прерванія освѣщенія; въ то же время онъ сталъ употреблять прозрачную бумагу въ качествѣ подкладки для изображенія, вызываемаго осажденіемъ серебра съ чернильно-орѣшковой кислотой. Въ 1847 г. Ніепсъ де-Сентъ-Викторъ, племянникъ Никифора Ніепса, замѣнилъ негативную бумагу стеклянными пластинками, покрытыми яичнымъ бѣлкомъ. Въ 1851 г. былъ примѣненъ коллодіумъ въ качествѣ связующаго вещества, и новый способъ сталъ одерживать побѣду надъ дагерротипіей. Наряду съ первоначальными сырыми коллодіумовыми пластинками вскорѣ появились мытыя коллодіумовыя пластинки и бромисто-серебряныя коллодіумовыя пластинки. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, коллодіумовыя пластинки стали вытѣсняться бромисто-серебряно-желатинными, приготовленіе коихъ было показано Миддексомъ, Беннеттомъ и ванъ-Монкховеномъ; коллодіумъ сохранилъ свое значеніе только для репродукцій. Почти въ то же время появились чувствительныя къ краскамъ пластинки, честь изобрѣтенія которыхъ принадлежитъ Фогелю въ Берлинѣ. Мы вправѣ сказать, что съ этого времени начинается новая эра для фотографіи. Благодаря чувствительнымъ къ краскамъ пластинкамъ, стало прежде всего возможнымъ лучшее изображеніе степеней ясности цвѣтныхъ предметовъ, а далѣе воспроизведеніе самыхъ красокъ, или цвѣтная фотографія, или непосредственно получаемая, или при помощи различныхъ побочныхъ пріемовъ, придачею или абстракціей красокъ трехцвѣтной комбинаціи. Знаменательными событіями въ концѣ XIX вѣка было открытіе рентгеновскихъ лучей и, такъ называемыхъ, урановыхъ лучей Беккерелемъ. Современное состояніе фотографіи характеризуется, съ одной стороны, ея близкими, взаимными отношеніями съ естественными науками, а съ другой, ея стремленіемъ къ тѣсному единенію съ живописью и съ графическими искусствами.

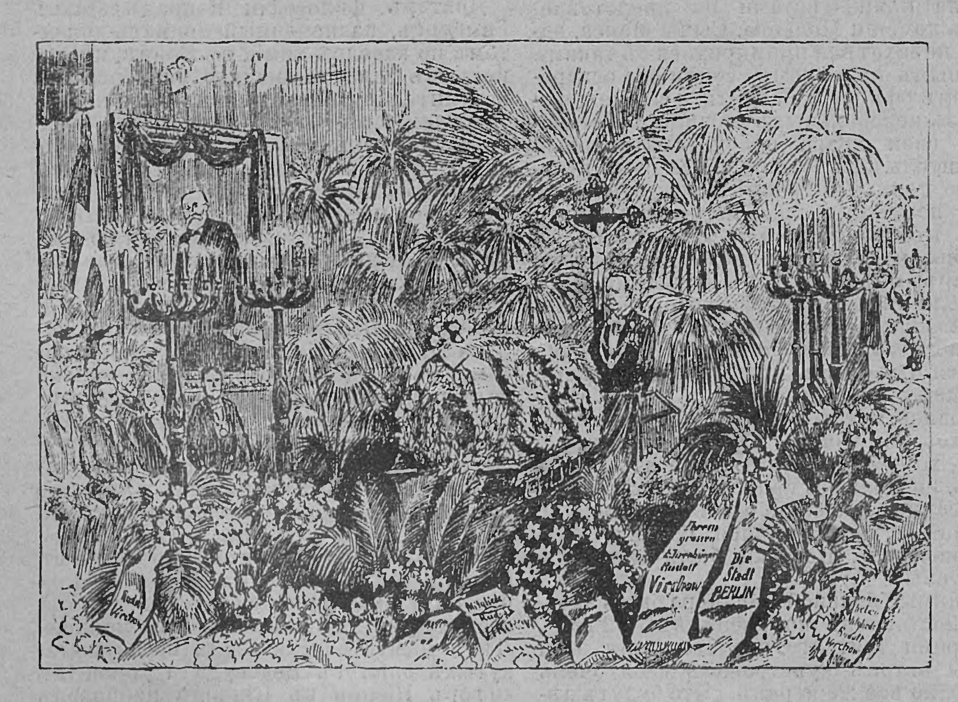

Сенъ-Реми.

Судъ надъ подполковникомъ Сенъ-Реми.
(См. № „Биржевыхъ Вѣдомостей" отъ 27 августа).

Домъ въ Стжалковѣ, гдѣ скончался Г. И. Семирадскій.

У гроба Рудольфа Вирхова.

Графъ Руджіеро-Ладирка,
новый итальянскій военный агентъ въ С.-Петербургѣ.
Съ фотографіи, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей"

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Propperъ.